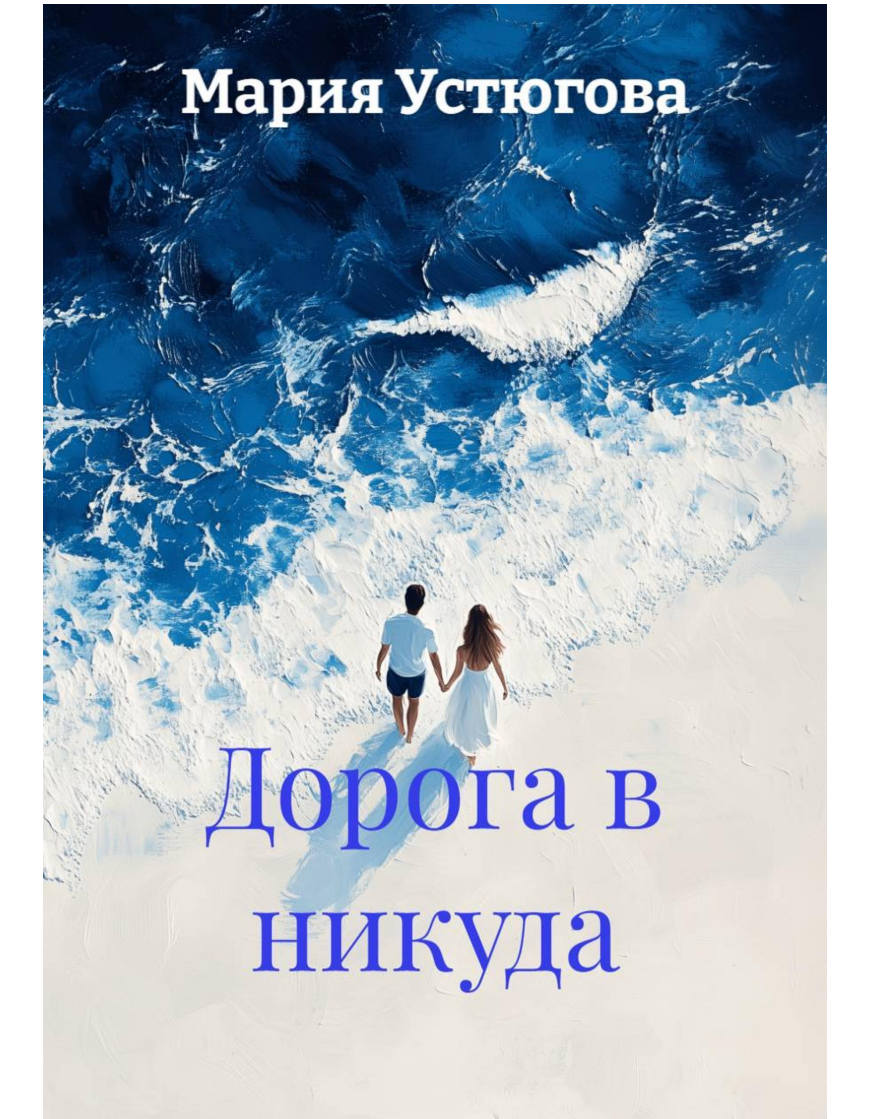

Мария Устюгова

Дорога в
никуда

Мария Устюгова
Дорога в никуда
Серия «Дорога в никуда», книга 1

<https://litres.ru/73000057>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Дорога в никуда» — это история Ники, семнадцатилетней девушки из Владивостока, которая приезжает в Москву, чтобы поступить на журфак МГУ и осуществить свою мечту стать журналисткой. Её путь полон надежд, первой любви, разочарований и сложных выборов. На новом месте она сталкивается с жестокостью большого города, соблазнами карьеры, предательством и настоящей дружбой.

История раскрывает взросление героини, её борьбу за принципы, поиск себя в мире глянца и скандалов, а также испытание чувств. Это роман о том, как остаться собой, не предав свои идеалы, и найти своё место на дороге, которая, кажется, ведёт в никуда, но на самом деле приводит к самой себе.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	35
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дорога в никуда

Глава 1

Дорога — это единственное, что тебе никогда не изменит. Наскучит уют, опостылеет любовь, и останется только дорога и где-то впереди Надежда, что будут Любовь и Покой.... А сегодня ты снова в Дороге, и с тобой снова Тревожность. И не лги себе: без нее ты не можешь. Любовь и Покой — это только мираж, без которого не бывает Дороги.

Л. Енгибаров.

Она перешагнула через все то, что ранее составляло смысл ее жизни. Она просто сделала своей старой жизни ручкой и, глуша в себе слезы и затаенную обиду, пересохшими губами тихо прошептала: «Прощай, моя любовь!» Она понимала, что прощается навсегда, но уже была не в силах что-либо изменить. Ее сердце замерло на какой-то миг и что-то в ней надломилось. Она хотела кричать от бессильной боли, но все же взяла себя в руки, как делала до этого миллион раз. Она прекрасно осознавала, что так оно предначертано Судьбой.

Впереди ее ждала самая главная и самая трудная дорога... Дорога длиною в жизнь... Дорога в никуда...

- Да, папочка, я уже все для себя решила.

Ее обворожительный, с легкой хрипотцой, голос звучал по телефону несколько натянуто.

- Только ты за меня не волнуйся! Я уже большая девочка, так что с любыми трудностями справлюсь в два счета.

Она произнесла это с долей такого неподдельного и заразительного энтузиазма, какой может быть присущ только очень юному и трогательному созданию. А ведь она именно такой и была. Молоденькая красивая девочка семнадцати лет. Достаточно упорная, раз решилась покорить весь мир и достаточно наивная, так как вообразила, что это будет легко и просто.

- Да, подготовка к экзамену идет полным ходом. Денег мне тоже вполне хватает... Папуль, я тебя тоже люблю! Крепко целую! Конечно, я сразу же позвоню! Пока!

Положив трубку, она, прикусив нижнюю губу, продолжила дело, от которого ее оторвал телефонный звонок. Усевшись по-турецки на заваленной учебниками общаговской кровати, она сосредоточенно вглядывалась в листок бумаги и покусывала ручку. Иногда она резко подскакивала и начинала что-то записывать одной ей понятными каракулями. Ее удивительные зеленые глаза вспыхивали блестящими искорками, и в такие моменты она становилась похожа на задорного бесенка.

- Здорово, Ника! – в комнату буквально ввалилась девушка с большими формами и таким же большим чувством юмо-

ра. – Как дела? Еще не родила? Ну не смотри на меня так – я про творческое задание... Наваяла что-нибудь гениальное?

- Привет, Ань! – Ника радостно оживилась и повернулась к соседке по комнате. – Не знаю как насчет гениального, но я кое-что настрочила. Хочешь, прочитаю?

- Никуль, ну сколько мне тебя учить – настоящий журналист никому и никогда не должен показывать свои материалы, ну кроме главного редактора, конечно. А если я в корыстных целях воспользуюсь твоими наработками?

- Ты? Воспользуешься? Анечка, да я же тебе доверяю, как никому другому. Да и вообще, я в людях разбираюсь!

- Ну, во-первых, мы знакомы всего три дня, а во-вторых, подруга, в твоих глазах так и светится полное отсутствие жизненного опыта. Сколько тебе лет? 17? А мне уже 24! Я столько раз обжигалась, что теперь меня сложно обмануть. А вот с твоими наивными глазенками в Москве делать нечего. Москва тебя съест, поглотит, пропадешь ты здесь, если не поменяешь своего отношения к жизни. Я ведь тоже приезжала сюда в 17 лет – наивная дурочка...

- И что? Анечка, что с тобой тогда произошло?

- Обычная история... Любовь, предательство – стандартный сюжет для заезженной книжонки. Прости, но я не хочу сейчас об этом говорить...

- Ладно, Анечка. Если вдруг захочешь поговорить, я всегда рядом.

Ника подошла к ней и ласково погладила по голове – так

ее всегда гладила мама, утешая и успокаивая. Как же ей не хватало сейчас мамочки! Она умерла, когда Нике было всего 10 лет. С тех пор прошло семь долгих лет. Папа больше не женился – говорил, что такой как мама больше нет. Он отдавал всего себя работе и дочери, пытаясь заменить ей обоих родителей. Может, поэтому Ника выросла такой – с открытым сердцем и чистой душой, верящей в добро и справедливость.

– А знаешь, – вдруг оживилась Аня, – давай все-таки прочитаем твоё творение. Только учти – буду критиковать безжалостно!

Ника просияла и, схватив исписанные листы, начала читать. Её мягкий голос наполнил комнату:

"Дорога начинается с первого шага. Моим первым шагом стал билет на поезд Владивосток-Москва. Семь дней пути, семь дней между прошлым и будущим. Говорят, семь – счастливое число. И разве может быть несчастливой дорога к мечте?

Я смотрю в окно на проплывающие мимо березы, и каждая из них шепчет мне свою историю. Истории о тех, кто тоже когда-то ехал этим путем – молодой, дерзкий, полный надежд. Кто-то добился своего, кто-то сломался, а кто-то все

еще в пути.

Попутчики сменяют друг друга – хмурый военный с потертым чемоданом, веселая торговка с мешками яблок, старушка с вязанием, молодая мама с ребенком. У каждого своя история, свой повод быть в дороге. Я слушаю их рассказы, и они ложатся в мою записную книжку – первые строки будущих репортажей..."

– Стоп! – прервала ее Аня. – Это что, твое творческое задание для поступления?

– Да... – Ника смутилась. – Слишком наивно?

– Слишком честно, – Аня задумчиво покачала головой. – Знаешь, в журналистике сейчас ценят остроту, скандальность. А ты пишешь... пишешь как дышишь. Это редкий дар, но...

– Но что?

– Но очень опасный. Такие как ты либо меняют мир, либо разбиваются о него.

Ника промолчала. За окном общежития догорал летний день, где-то вдалеке гремела музыка, а в комнате повисла тя-

желая тишина.

– Я должна попробовать, – наконец произнесла она. –
Иначе зачем все это? Зачем дорога, если не веришь, что она
куда-то приведет?

Аня только вздохнула. Она слишком хорошо помнила себя
семь лет назад – такую же юную, такую же верящую. Жизнь
научила ее другому, но разве объяснишь это девчонке с
горящими глазами? Каждый должен пройти свой путь сам.

А Ника уже снова склонилась над тетрадью, и ее ручка
летела по бумаге, словно торопясь записать то, что нашепты-
вала ей дорога – бесконечная дорога в неизвестность, кото-
рая манила и пугала, обещала и предостерегала, но главное
– звала вперед.

Вечер медленно опускался на Москву. В открытое окно
общезития врвался теплый июльский ветер, принося с со-
бой запахи большого города – выхлопные газы, аромат цве-
тущих лип, дым от чьего-то мангала во дворе. Ника отложи-
ла ручку и потянулась. Глаза устали от бесконечного вгля-
дывания в строчки.

– Слушай, а почему ты выбрала именно журфак? – вдруг

спросила Аня, которая все это время молча наблюдала за соседкой.

– Знаешь, – Ника подошла к окну и облокотилась на подоконник, – когда умерла мама, я начала писать дневник. Сначала просто записывала всё, что не могла рассказать ей. А потом... потом поняла, что через слова можно достучаться до людских сердец. Можно заставить их чувствовать, думать, сопереживать. Разве это не чудо?

– Чудо, – усмехнулась Аня. – Только вот в редакциях никому не нужны чудеса. Им нужны рейтинги, скандалы, сенсации.

– Значит, буду делать свое издание! – Ника упрямо вздернула подбородок. – Где будут настоящие истории о настоящих людях.

– И где ты возьмешь на это деньги?

– Заработаю! – в голосе Ники звенела такая уверенность, что Аня невольно улыбнулась.

– Ладно, романтик, пойдем лучше чай пить. У меня есть печенье из дома.

Они сидели на кровати, пили чай из щербатых кружек и говорили. Вернее, говорила в основном Ника – о своем маленьком городке на берегу океана, о папе, который учил ее никогда не сдаваться, о школьной газете, где вышли ее первые заметки, о мечте написать когда-нибудь книгу.

Аня слушала и думала о том, что, возможно, эта девчонка и правда особенная. Может быть, именно такие – наивные, чистые, верящие в добро – и способны что-то изменить в этом циничном мире. А может...

Телефонный звонок прервал ее размышления.

– Алло? – Ника схватила трубку. – Папочка? Что случилось?

Ее лицо стремительно бледнело, пока она слушала. Потом она медленно опустила руку с телефоном.

– Что такое? – встревожилась Аня.

– Папу... папу увезли в больницу. Сердечный приступ...

В комнате повисла тяжелая тишина. Ника стояла, все еще сжимая телефон, и казалось, что земля уходит у нее из-под

ног.

– Так, – Аня решительно поднялась. – Самолетом долетишь за восемь часов. Поездом будешь добираться неделю – это слишком долго.

– У меня нет денег на самолет... – прошептала Ника. – А папины деньги я почти все потратила на подготовительные курсы...

Аня молча подошла к своей тумбочке, достала из-под стопки белья конверт и протянула Нике:

– Здесь на билет хватит. Это мои сбережения, но тебе они нужнее.

– Нет, я не могу... – Ника попятилась.

– Можешь и должна! – отрезала Аня. – Потом вернешь. К черту экзамены, журфак никуда не денется, поступишь в следующем году. А отец у тебя один.

Ника механически складывала вещи в сумку, а в голове крутились обрывки мыслей. Папа. Больница. Сердце. Нет, только не это. Только не как с мамой...

– Я с тобой до аэропорта! – заявила Аня, уже вызывая такси.

В такси Ника сидела, прижав к груди сумку, и смотрела в окно на проносящуюся мимо ночную Москву. Город сиял огнями, жил своей обычной жизнью, а ей казалось, что весь мир рушится.

– Знаешь, – тихо сказала Аня, – когда я сюда приехала, тоже думала, что покорю весь мир. А потом жизнь научила, что главное – не высота полета, а крепость твоего тыла. Твой дом, твои родные – вот что важно.

В аэропорту Аня помогла купить билет на ближайший рейс до Владивостока.

– Вот, возьми, – она протянула Нике пакет с едой. – В самолете пригодится. И позвони, как приземлишься.

– Спасибо тебе... – Ника вдруг крепко обняла новую подругу. – За все спасибо. Я обязательно верну деньги.

– Прекрати! – Аня подтолкнула ее к стойке регистрации. – И помни – настоящая дорога не та, что ведет вперед, а та, что ведет домой!

Самолет взмыл в ночное небо, унося Нику обратно – через восемь часов полета, через всю страну. Эта дорога была совсем другой. Не дорогой к мечте, а дорогой к самому важному – к отцу, который ждал ее там, во Владивостоке, в больничной палате.

Она достала свою тетрадь и начала писать:

"Говорят, дорога – это свобода. Но иногда дорога – это долг. И любовь. И боль. И надежда..."

Душный больничный коридор пах лекарствами и хлоркой. Ника сжимала в руках пакет с яблоками и морщилась от этого запаха. Но когда она вошла в палату и увидела улыбающегося отца, сердце защемило от нежности.

– Доченька... – он протянул к ней руки.

– Папочка! – Ника бросилась к кровати. – Как же ты меня напугал!

– Прости, малыш. Думал, справлюсь сам... – он погладил ее по голове. – А ты вон все бросила, прилетела.

– Конечно, бросила! Ты у меня один остался.

В коридоре раздались быстрые шаги, и в палату заглянула медсестра:

– К вам посетитель, Виктор Андреевич. Молодой человек.

В дверях показался высокий парень в белой футболке. Ника замерла – Коля. Тот самый Коля из параллельного класса, по которому она сохла все школьные годы.

– Здравсьте, дядь Вить! – он протянул пакет с фруктами.
– А я вот... проведать... – его взгляд остановился на Нике.
– Привет.

– Привет, – выдохнула она.

Вечером они гуляли по набережной. Играл уличный музыкант, и Ника узнала знакомые аккорды "Владивостока 2000".

– Помнишь, как мы на выпускном под нее танцевали? – Коля улыбнулся.

– Помню... – она посмотрела на море. – Все помню.

– Оставайся, – вдруг сказал он. – Зачем тебе эта Москва? Тут же все родное – море, сопки, я...

Ника промолчала, глядя, как садится солнце за остров Русский.

Красные "жигули" взбирались по серпантину на Шамору. Ника высунула руку в окно, ловя ветер ладонью.

– Осторожно! – Коля на секунду отвлекся от дороги. – Дверь старая, может открыться.

– Не открыть меня ветру! – рассмеялась она, и он узнал прежнюю Нику – озорную, бесшабашную.

На пляже они расстелили плед, достали термос с чаем и бутерброды.

– Знаешь, – Коля смотрел на волны, – я ведь каждый день мимо твоего дома хожу. Все думаю – вот сейчас окно откроется, ты выглянешь...

– Коля...

– Нет, послушай! – он повернулся к ней. – Я же с восьмого класса... Только ты вечно в своих тетрадках была, в мечтах о журналистике. А я так и не решился подойти.

Она положила голову ему на плечо:

– А я думала, ты меня не замечаешь.

– Пап, – Ника сидела у отцовской кровати, – врачи говорят, тебе уже лучше.

– Говорят, – он внимательно посмотрел на дочь. – Ты из-за меня задержалась. А теперь что держит?

– Пап...

– Коля хороший парень, – отец вздохнул. – Но ты не для того два года к поступлению готовилась, чтобы все бросить. Лети, дочка. Твоя дорога там.

В аэропорту было шумно. Объявили посадку на московский рейс.

– Я приеду, – Коля держал ее за руки. – Вот только права на категорию получу, работу найду... Слышишь?

– Слышу, – она улыбалась сквозь слезы. – А я буду писать. Каждый день.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Она шла к стойке регистрации, и музыка из динамиков словно издевалась:

" Уходим, уходим, уходим
Наступят времена почище
Бьётся родная, в экстазе пылая
Владивосток, две тыщи..."

Уже в самолете Ника достала тетрадь:

"Говорят, первая любовь не умирает – она просто засыпает где-то глубоко в сердце. И иногда просыпается от запаха моря, от звуков знакомой песни, от скрипа старых качелей во дворе. И тогда понимаешь – она всегда будет с тобой, даже если твой поезд давно ушел в другую сторону..."

Глава 2

*** **

Москва встретила Нику августовской жарой. Плавился асфальт, плавилась мысли, плавилось время. До экзамена оставалось полчаса.

Она стояла перед величественным зданием МГУ, и сердце колотилось где-то в горле. Высоченная башня главного корпуса, казалось, упиралась шпилем в самое небо.

– Абитуриентка? – скрипучий голос заставил ее вздрогнуть. Седой профессор в твидовом пиджаке (и как он не умер от жары?) смотрел на нее поверх очков. – На журфак?

– Д-да...

– Ну-ну, – он усмехнулся. – Посмотрим, что ты знаешь о публицистике серебряного века.

Через два часа Ника выходила из аудитории на подгибающихся ногах. Профессор гонял ее по всей программе, особенно налегая на Короленко и Дорошевича. Но она выстояла.

– А вы неплохо подготовились, – сказал он напоследок. – Хотя о стилистических приемах Дорошевича могли бы рассказать и поподробнее...

Окрыленная похвалой, Ника буквально летела по коридору. И тут...

БАМ!

Папка выпала из рук, листы разлетелись по полу, а она сама едва удержалась на ногах.

– Простите! – раздалось сверху.

Она подняла глаза. Перед ней стоял высокий парень с копной каштановых кудрей и виноватой улыбкой.

– Сейчас все соберем! – он опустился на колени, принимаясь подбирать бумаги.

Они потянулись за одним листком одновременно. Удар.

– Ай! – они схватились за лбы и рассмеялись.

– Я Миша, – он протянул ей руку и улыбнулся так, что у Ники подкосились колени.

– Я... я опаздываю! – выпалила она, схватила папку и бросилась к выходу.

– Ну, рассказывай! – Аня лежала на своей кровати в их общей комнате. – Как прошло?

– Вроде сдала, – Ника достала из сумки конверт. – Вот, держи. Половина долга за билет на самолет.

– О, спасибо! – Аня небрежно сунула конверт под подушку. – Остальное потом отдашь.

– Но я могу сейчас...

– Нет уж! – Аня решительно встала и подошла к шкафу Ники. – Ты лучше скажи, в чем собираешься ходить на занятия? – она критически осмотрела немногочисленные наряды подруги. – Так не пойдет. Ты не представляешь, какие модники учатся в МГУ! Завтра идем по магазинам.

– Но...

– Никаких "но"! Считай это инвестицией в твое будущее,

– Аня подмигнула. – А теперь рассказывай, что там случилось в коридоре? У тебя такое лицо...

Ника рассказала про столкновение с кудрявым незнакомцем.

– Ооо, – протянула Аня. – Классическое начало романа. А что за парень?

– Я даже имени своего не сказала...

– Зато он сказал свое! – Аня хитро прищурилась. – Как там его? Миша?

Ника кивнула, краснея.

– Ну вот, – Аня потянулась за сигаретами, – считай, судьба. В таких историях всегда так бывает. Кстати, помнишь тот рассказ, который ты мне читала перед отъездом? Про девушку, которая боялась сделать первый шаг?

– Помню...

– Так вот, не будь как твоя героиня. Иногда нужно рискнуть.

– Ну-ну, – он усмехнулся. – Посмотрим, что ты знаешь о публицистике серебряного века.

Через два часа Ника выходила из аудитории на подгибающихся ногах. Профессор гонял ее по всей программе, особенно налегая на Короленко и Дорошевича. Но она выстояла.

– А вы неплохо подготовились, – сказал он напоследок. – Хотя о стилистических приемах Дорошевича могли бы рассказать и поподробнее...

Окрыленная похвалой, Ника буквально летела по коридору. И тут...

БАМ!

Папка выпала из рук, листы разлетелись по полу, а она сама едва удержалась на ногах.

– Простите! – раздалось сверху.

Она подняла глаза. Перед ней стоял высокий парень с копной каштановых кудрей и виноватой улыбкой.

– Сейчас все соберем! – он опустился на колени, прини-

маясь подобрать бумаги.

Они потянулись за одним листком одновременно. Удар.

– Ай! – они схватились за лбы и рассмеялись.

– Я Миша, – он протянул ей руку и улыбнулся так, что у Ники подкосились колени.

– Я... я опаздываю! – выпалила она, схватила папку и бросилась к выходу.

Только на улице она поняла, что даже не назвала своего имени.

Общежитие МГУ гудело как улей. По длинным коридорам сновали студенты с сумками и чемоданами, кто-то тащил гитару, кто-то – огромный плакат с Цоем.

– Комната 306... 306... – бормотала Ника, разглядывая номера на дверях.

– Эй, первокурсница! – окликнули ее. – Потерялась?

У окна стояла эффектная брюнетка лет двадцати трех. Ника залюбовалась – высокая, стройная, в красном платье, с идеальной укладкой.

– Я ищу...

– Комнату 306, – подхватила брюнетка. – Я Аня, твоя соседка. Пойдем, покажу наши хоромы.

"Хоромы" оказались небольшой комнатой с двумя кроватями, двумя столами и видом на университетский парк.

– Располагайся, – Аня плюхнулась на кровать. – Как экзамены?

– Вроде сдала... – Ника начала раскладывать вещи. – А ты?..

– А я уже отмучилась, – Аня достала сигареты. – Ты не против? – она кивнула на пачку.

Ника помотала головой.

– Пять лет оттрубила в региональной газете, – продолжала Аня, выпуская дым в форточку. – Решила, что пора двигаться дальше. Да и Москва... это же Москва! Здесь все по-

другому. Амбиции, драйв, возможности.

Она посмотрела на Нику:

– А ты такая... чистая еще. Прямо светишься вся. Первая любовь была?

– Была... наверное, – Ника вспомнила Колю, море, закат.
– А сегодня...

И она рассказала про случай в коридоре.

– Ооо, – протянула Аня. – Классическое начало романа. Столкновение в коридоре, разлетевшиеся бумаги, удар лбами... Прямо кино!

– Да ну тебя, – Ника покраснела. – Я даже имени своего не сказала.

– Значит, скоро встретитесь снова, – уверенно заявила Аня. – В таких историях всегда так бывает.

Она подошла к Нике и вдруг обняла ее за плечи:

– Знаешь, у тебя глаза такие... чистые-чистые. Как море во Владивостоке. Не потеряй это, слышишь? Здесь, в Москве, легко растерять себя. А ты – держись.

За окном догорал закат, окрашивая шпиль МГУ в розовый. Где-то в парке играла гитара. Начиналась новая жизнь.

Ника достала тетрадь:

"Говорят, Москва – город победителей. А может, город тех, кто не боится проиграть? Тех, кто готов рискнуть всем ради мечты? И где-то здесь, между величественных стен МГУ и узких улочек арбатских двориков, прячется моя судьба. Нужно только научиться ее разглядеть..."

Глава 3

На Тверской былолюдно и шумно. Модные девушки в платьях-комбинациях и туфлях на платформе, парни в широких джинсах и футболках "Гуччи". Ника чувствовала себя провинциалкой в своих старых джинсах и футболке.

– Так, – командовала Аня, – первым делом тебе нужны джинсы. И не эти твои "Монтана", а что-нибудь поприличнее.

После трех часов примерок у Ники кружилась голова. Но в сумках лежали новые джинсы, две блузки и маленькое черное платье ("Базовая вещь!", – заявила Аня).

– Теперь на Черкизон, – объявила Аня. – Там можно найти такие вещи!..

Черкизовский рынок оглушил их криками продавцов, запахом шашлыков и дешевой парфюмерии. Аня уверенно лавировала между рядами, торговалась как заправский купец и умудрилась найти Нике итальянские сапоги ("Почти настоящие!") и кожаную куртку.

– А теперь мороженое, – Аня потащила ее в ЦУМ. – Здесь самое вкусное.

Они сидели на скамейке, ели пломбир в вафельных стаканчиках и смотрели на спешащих куда-то людей.

– Слушай, а я про твоего Мишу узнала, – как бы между прочим сказала Аня.

Ника чуть не подавилась мороженым:

– Он не мой!

– Ну да, ну да, – усмехнулась подруга. – В общем, он звезда КВН МГУ. Красавчик, умница, все девчонки от него без ума. Должен был на второй курс перейти, но завалил сессию. Говорят, из-за КВНа забросил учебу. Теперь будет снова на первом.

– У него наверняка есть девушка, – пробормотала Ника.

– Была. Модель какая-то. Но они расстались весной, – Аня достала зеркальце и подкрасила губы. – Кстати, у меня есть идея. Пойдем в "Прагу", там такие пирожные!

"Прага" встретила их прохладой кондиционеров и цена-

ми, от которых у Ники глаза полезли на лоб.

– Один капучино на двоих, – шепнула Аня.

Они устроились у окна, растягивая единственную чашку кофе. За соседним столиком сидел импозантный мужчина лет сорока в дорогом костюме. Он то и дело поглядывал на Аню.

– Девушки, позвольте угостить вас чаем, – вдруг сказал он. – И пирожными.

– Ну что вы... – начала Ника.

– Спасибо, это так мило с вашей стороны, – перебила Аня, стреляя глазами.

Через полчаса у нее уже был записан номер его пейджера, а он – ее.

– Как ты это делаешь? – изумилась Ника, когда они вышли.

– Главное – уверенность, – подмигнула Аня. – И правильное место. В "Макдональдсе" такие не сидят.

Москва плавилась от жары. По улицам ездили поливальные машины, в парках работали фонтаны. У метро продавали газеты – "Новый курс Путина", "Курск" – год спустя", "Новые тарифы на ЖКХ". Из ларьков доносились песни "Руки Вверх" и "Тату".

В переходе какой-то парень пел "Восьмиклассницу" Цоя, а рядом торговали дисками – "всего 50 рублей, лицензия!". На рекламных щитах – "Пейджинговая связь - будь всегда на связи!", "Новый тариф от МТС", "Всего 100 у.е. в месяц - доступ в интернет!".

Вечером в общежитии Ника писала в дневнике:

"Москва 2001-го... Город контрастов и надежд. Здесь можно купить поддельные джинсы за 300 рублей и настоящие – за 300 долларов. Здесь едят хот-доги в переходах и пирожные в "Праге". Здесь ходят в театры и на рейвы, читают Пелевина и смотрят "Дом-2". Здесь все куда-то спешат и все чего-то ждут...

И где-то здесь, среди этой суеты и блеска, среди дорогих машин и грязных подъездов, среди новых русских и старых интеллигентов, бродит мое будущее. Какое оно? Что выберу я – глянцевого журналы или честную журналистику? Любовь или карьеру? Москву или Владивосток?

А может, и не нужно выбирать? Может, все само сложится – как те листы, что разлетелись в коридоре МГУ, а потом собрались в новую историю?.."

Глава 4

Прошла неделя. Ника не находила себе места. Она то и дело проверяла списки на стенде, перечитывала свое имя, словно боясь, что оно исчезнет так же внезапно, как появилось. Но больше всего ее тревожило молчание Миши.

"Может, пейджер сломался? Или сообщение не дошло?" - эти мысли преследовали ее днем и ночью.

-Ань, как думаешь, почему он не отвечает? - в сотый раз спрашивала она подругу, нервно теребя край футболки.

Аня оторвалась от конспекта и вздохнула:

- Ника, послушай. Я понимаю твои чувства, но... Ты его совсем не знаешь. Одно свидание - это еще ничего не значит. Может, у него есть девушка. Или он просто... - она замялась, подбирая слова помягче, - просто не воспринял всё так серьезно, как ты.

Ника почувствовала, как к горлу подступает ком. Нет, не может быть. Не после той волшебной ночи, не после всех его слов и взглядов. Она снова спустилась в холл, к старому телефону-автомату. Дрожащими пальцами набрала номер пейджера.

"Миша, это снова я. Если что-то не так, просто скажи. Пожалуйста."

Гудки в трубке звучали как приговор. Москва за окном уже не казалась такой волшебной, как неделю назад. Серое небо давило на плечи, а мечты о счастливом будущем начинали таять, как утренний туман.

В старом здании общежития МГУ на Ломоносовском проспекте время, казалось, застыло где-то между советской эпохой и новым тысячелетием. Комната Ники и Ани на шестом этаже была типичной общажной "двушкой": две железные кровати с продавленными матрасами, письменный стол у окна, платяной шкаф с облупившейся краской и книжные полки, заставленные учебниками и конспектами. Единственным украшением служили развешанные Никой постеры группы "Мумий Тролль", которые она привезла из родного Владивостока.

Ника лежала на кровати, прижимая к груди потрепанный кассетный плеер. Наушники выдавали приглушенное "Выхода нет", а память услужливо подкидывала картинки недавнего концерта. Вот Миша подпевает вместе с залом, его глаза блестят в полумраке. Вот они идут по ночному парку, и он накидывает ей на плечи свою куртку...

- Ника, ты опять витаешь в облаках? - голос Ани вернул её в реальность.

Подруга только что вернулась со свидания и выглядела непривычно нарядной в вечернем платье и туфлях на высоких каблуках.

- Как Большой театр? - спросила Ника, ставя кассету на паузу.

- Божественно! - Аня плюхнулась на свою кровать, не забывая о том, что может помять платье. - Борис Михайлович такой галантный. Представляешь, после "Лебединого озера" повёз меня в ресторан на Тверской. Говорит, что может снять для меня квартиру в центре...

- И ты согласишься? - Ника приподнялась на локте, внимательно глядя на подругу.

- А почему нет? Мне надоело это общежитие, эти вечные очереди в душ, соседки, ворующие еду из холодильника... Хочу жить как человек! И потом, ему сорок, он успешный бизнесмен. Может помочь с работой после выпуска.

Ника молча достала из тумбочки свой дневник в потертой

обложке и начала писать:

"Дорогой дневник!

Аня говорит, что я наивная и что в Москве без спонсора никуда не пробиться. Но разве можно продать свою молодость и мечты за квартиру в центре? Я лучше всю жизнь проживу в общежитии, чем позволю какому-нибудь Борису Михайловичу купить моё сердце.

А сердце... оно уже занято. Миша. Почему же ты молчишь? Каждый раз, спускаясь в холл к телефону, я чувствую, как оно выпрыгивает из груди. Набираю номер пейджера и жду, жду, жду... А в ответ тишина.

Вспоминаю, как мы стояли у метро после концерта. Он смотрел на меня так, словно видел насквозь, и говорил о музыке, о мечтах, о том, что хочет стать журналистом и писать о роке... Неужели всё это было не по-настоящему?

'Москва слезам не верит' - любимая присказка Ани. Но я и не собираюсь плакать. Я буду бороться. За свою мечту, за любовь, за место под этим огромным московским небом. И я точно знаю - без сделок с совестью, без 'спонсоров' и продажи души. Потому что настоящее счастье нельзя купить ни за какие деньги..."

Ника закрыла дневник и снова включила плеер. "Орбит без сахара" растворялся в вечернем полумраке комнаты, а за окном зажигались огни большого города, который, казалось, жил своей отдельной, непостижимой жизнью. Где-то там, среди этих огней, был и Миша. Так близко - всего в нескольких остановках метро, и так бесконечно далеко...

Внезапно в комнату ворвалась соседка с первого курса:
- Девчонки! Там внизу какой-то парень всех на дискотеку зовёт! Говорит, сегодня в "Пилоте" крутая вечеринка!

Аня тут же оживилась:
- Отлично! Ника, пошли! Хватит киснуть над своим дневником.

Но Ника только покачала головой. Ей не хотелось никуда идти. Только не сегодня, когда сердце разрывается между надеждой и отчаянием, а в голове звучит бесконечное "Выхода нет"...

Дискотека в "Пилоте" была в самом разгаре. Парни и девушки двигались в такт музыке под мигающими огнями стробоскопов. Кто-то пил коктейли за барной стойкой, кто-то целовался по углам. В воздухе висел сладковатый запах сигаретного дыма вперемишку с ароматом разгоряченных

тел.

Ника сидела за столиком в углу, потягивая колу через трубочку. Она согласилась пойти, только чтобы Аня от неё отстала. Но сейчас жалела об этом решении. Всё здесь казалось ей чужим и неудобным. Она чувствовала себя лишней на этом празднике чужой жизни.

Неожиданно к столику подошел высокий парень в кожаной куртке. Его светлые волосы были небрежно уложены гелем, а в ухе поблескивала серебряная серьга.

- Привет. Скучаешь тут одна?

Ника подняла на него глаза. Парень смотрел на неё с лёгкой снисходительной улыбкой. От него пахло дорогим одеколоном и сигаретами.

- Нет, я с подругой... - начала было Ника, но парень перебил её:

- Брось. Твоя подруга давно зависает с моими друзьями у бара. А ты сидишь тут как сирота казанская.

Он пододвинул стул и уселся напротив, закинув ногу на ногу.

- Кстати, меня Славой зовут. А тебя как, красавица?

- Ника... - тихо ответила девушка, теребя трубочку в стакане.

- Ника... прикольное имя. Слушай, Ник, а давай свалим отсюда? Только ты и я. Прокатимся по ночной Москве с ветерком. У меня тачка что надо - бумер новый. Музыку врубим, за город махнём...

Ника молчала, не зная, как реагировать. С одной стороны, ей претило наглое самоуверенное поведение этого Славы. С другой - ей до смерти хотелось вырваться отсюда, убежать от липких взглядов и громкой музыки.

Парень, видимо, расценил её молчание как согласие. Он подскочил со стула и схватил Нику за руку:

- Погнали! Только куртку свою захвати, прохладно на улице.

Ника машинально поднялась и пошла следом за ним, лавируя между танцующими. Они уже почти дошли до выхода, когда кто-то схватил её сзади за плечо:

- Ника, ты куда? Я повсюду тебя ищу!

Девушка обернулась и увидела взволнованное лицо Ани.

Та оттащила Нику в сторону и зашептала:

- Ты чего творишь? Это же Славка, он на районе главный по тёлкам. Ничего хорошего от него не жди...

Но Ника вырвала руку и бросила подруге через плечо:

- Не лезь не в своё дело! Я сама разберусь.

И она решительно двинулась к выходу, где её уже ждал Слава, прислонившись плечом к косяку и лениво потягивая сигарету. Ей уже было всё равно. Лишь бы вырваться из этого шумного ада. Лишь бы оказаться подальше от собственных тяжёлых мыслей...

Чёрный BMW плавно выехал с парковки, взвизгнув шинами, и растворился в ночной темноте, оставив позади мигающую неоновую вывеску "Пилота". А в сумочке Ники вибрировал пейджер, пришедший к жизни сразу после её ухода. На маленьком экране чёрным по зелёному светилось: "Ника, спасибо за встречу. Нам надо серьёзно поговорить. Жду завтра в 5 на нашем месте. Миша".

Но этого сообщения Ника уже не видела. Она уносилась прочь от своей прежней жизни в объятьях случайного парня и московской ночи, не зная, что ждёт её впереди, и какова будет цена этой мнимой свободы...

Глава 5

Миша не находил себе места с тех пор, как получил тревожное сообщение от её подруги Ани. «Нику похитили. Позвони на номер 89002340597.» Это был номер сотового, который Ане любезно одолжил Витя Жмых из клубной алко-компании.

- Миша, Ника в беде! - взволнованно тараторила Аня в трубку. - Она уехала с каким-то сомнительным парнем из клуба, и я боюсь, как бы не случилось чего...

Недослушав, Миша бросил трубку, выбежал и мгновенно поймал такси.

- "Пилот", ночной клуб на набережной.

Всю дорогу перед его глазами стояло лицо Ники - доверчивое, ранимое, с этими васильковыми глазами, в которых плескалась бездна нежности. Как он мог так долго тянуть? Почему не позвонил сразу, а полагался на дурацкий пейджинг?

По дороге Миша извёлся окончательно. В голове роились ужасные картины - Ника в чужой машине, слабая, беспомощная...

Спустя пятнадцать бесконечно долгих минут он уже расспрашивал охранника клуба - коренастого парня с бычьей шеей и начинающейся лысиной.

- Ника, Вероника... маленькая такая, в голубой джинсовке? Уехала часа два назад с Вячеславом на чёрной бэхе.

Миша похолодел. Два часа, чёрт возьми! Он опоздал. Слепая ярость на себя и страх за любимую накрыли его с головой. Схватив охранника за отвороты куртки, он прорычал ему в лицо:

- Куда? Куда они могли поехать? Думай, мать твою!!!

Парень опешил, но тут же нашёлся:

- Ну... обычно Славкина компашка сначала едет в сквот на Дербенёвке. Там у них вроде как отрыв-центр. Хату одну снимают, отрываются по полной...

Больше Миша не слушал. Он уже неся к такси, на ходу выкрикивая адрес.

Машина летела по ночным улицам, а Мишу трясло как в лихорадке. Он то и дело порывался схватить водителя за плечо, крикнуть "быстрее!", но сдерживался из последних сил.

Наконец, такси затормозило у обшарпанной пятиэтажки. Миша выскочил, швырнув мятые купюры на сиденье, и кинулся к подъезду. Из распахнутых настежь окон второго этажа доносились пьяные крики вперемешку с грохотом музыки.

Он взлетел по ступенькам и вломился в квартиру, сразу углядев Нику. Она полулежала на диване, явно не в себе. Её джинсовка валялась на полу, а какой-то обдолбанный хмырь целовал её в шею, задрав майку...

Кровь бросилась Мише в голову. Он рванул ублюдка за шкуру, отшвырнул в сторону и склонился над девушкой. Глаза Ники были полуприкрыты, зрачки расширены. Сердце оборвалось - неужели опоздал?

- Ника, Никуся, ты слышишь меня? Это я, Миша... - лихорадочно шептал он, поглаживая её по волосам. - Сейчас мы уедем отсюда, всё будет хорошо, милая...

Он подхватил Нику на руки и двинулся к выходу. Обдолбыши вокруг что-то возмущённо вопили, но Мише было плевать. Самое главное он сейчас держал в своих объятиях.

Только в такси, когда за окнами замелькали огни просы-

пающего города, Миша позволил себе выдохнуть. Он осторожно поцеловал Нику в лоб. Девушка уже спала - видимо, сказалось пережитое волнение.

"Больше никогда, слышишь, никогда не подвергай себя такой опасности", - мысленно говорил ей Миша, крепче прижимая к себе её хрупкое тело. Он молился всем богам, благодаря за то, что успел. И знал, что теперь уже не отпустит её. Не позволит больше гордости и неуверенности встать между ними.

А тем временем машина мчала к Никиному дому, оставляя позади кошмары уходящей ночи. Впереди занимался рассвет первого дня их новой жизни - жизни, в которой они будут вместе, что бы ни случилось...

Солнечные лучи пробивались сквозь занавески, разгоняя полумрак комнаты. Ника медленно открыла глаза, пытаясь понять, где находится. Голова раскалывалась, во рту стоял неприятный привкус. Обрывки вчерашней ночи проносились вспышками - клуб, рокот мотора, чужие руки, музыка, Миша...

Миша! Ника резко села на кровати, тут же пожалев об этом - комната поплыла перед глазами. Она огляделась. Это была её комната в общежитии. Но как она здесь оказалась?

Последнее, что она помнила - диван в прокуренной квартире и навалившееся тело Славки...

Дверь приоткрылась, и на пороге показался Миша с кружкой в руках. Увидев, что Ника очнулась, он просиял:

- Доброе утро! Ты как, в порядке? Я тут чай заварил, будешь?

Он присел на край кровати и протянул ей дымящуюся кружку. От заботы и нежности в его глазах у Ники защипало в носу.

- Миша... что вчера произошло? Как я здесь оказалась?

Парень нахмурился, но тут же взял себя в руки.

- Ты вчера уехала из клуба с какой-то компанией. Аня мне позвонила, она переживала. Ну я и... в общем, нашёл тебя. Забрал оттуда.

Он отвёл взгляд, и Ника поняла, что Миша недоговаривает. Ей стало стыдно. Стыдно за свою глупость, за то, что заставила его волноваться. А ещё почему-то за то, что он видел её в таком состоянии...

- Прости... - прошептала она, комкая край одеяла. - Я не должна была... Не знаю, что на меня нашло.

- Эй, - Миша накрыл её руку своей. - Ты ни в чём не виновата. С каждым может случиться. Главное, что всё обошлось.

Он заглянул ей в глаза, и у Ники ёкнуло сердце.

- Я так за тебя испугался, - тихо продолжил он. - Когда понял, что могу потерять. Ника... я столько всего хотел тебе сказать, но всё никак не решался. Дурак был. Думал, ещё успею, потом как-нибудь... А вчера, когда искал тебя, понял - нельзя откладывать. Жизнь такая штука, никогда не знаешь, что будет завтра...

Он набрал в грудь воздуха и выпалил:

- В общем, я люблю тебя. И хочу быть с тобой. Всегда.

Несколько секунд Ника молчала, не в силах вымолвить ни слова. А потом бросилась Мише на шею, расплескав чай на одеяло.

- Я тоже тебя люблю, дурачок! И всегда любила! Думала, ты не замечаешь, думала, я тебе не нужна...

Миша прижал её к себе, зарываясь лицом в волосы. Он чувствовал, как быстро колотится её сердце, вторя его собственному.

- Ещё как нужна... Ты моё всё, Никуся. И я хочу быть твоей опорой и поддержкой. Хочу оберегать тебя. Мечтать с тобой. Познавать этот сумасшедший мир плечом к плечу. Ты... будешь моей девушкой?

И Ника, отстранившись, посмотрела в его сияющие глаза. В эти глаза цвета грозового неба, в которых плескались любовь и надежда. Глаза, в которых она видела своё отражение. Своё будущее.

- Да... - выдохнула она. - Да, буду. Сейчас и навсегда.

И их губы слились в поцелуе, скрепляя это обещание. А за окном жила своей жизнью весенняя Москва. Город любви и разбитых надежд, сбывшихся грёз и горьких разочарований. Город, который свёл их и проверил на прочность. И который стал свидетелем рождения самого главного, что только может быть в жизни - настоящей, искренней, чистой любви...

"Дорогой дневник!

Я не могу поверить, что всё это происходит со мной. Ещё месяц назад я была одинокой девчонкой, мечтающей о любви и боящейся этого огромного города. А сейчас... Сейчас я самая счастливая девушка на свете!

Всё потому что рядом со мной - он. Мой Миша. Моя путеводная звезда в этом безумном мире. С того самого утра, когда он признался мне в любви, мы не расстаёмся ни на минуту. Гуляем по осенней Москве, взявшись за руки, пьём кофе в маленьких уютных кафешках, часами болтаем обо всём на свете...

А ещё мы вместе ходим на занятия! Так здорово, что нас распределили в одну группу на журфаке. Теперь мы сидим рядышком на лекциях, держась за руки под партой и обмениваясь заговорщицкими улыбками. Преподаватели пока не заметили нашей маленькой тайны, а может, просто делают вид.

Сами занятия - это нечто невероятное. Я словно попала в другой мир. Мир, где живут сенсации и выдающиеся репортажи, где каждый день происходит что-то значимое и интересное. Наш декан, Игорь Владимирович - настоящая легенда. Он рассказывает такие истории из своей журналистской практики, что захватывает дух!

Мы с Мишей часами обсуждаем услышанное, строим планы на будущее. Он мечтает стать военным корреспондентом, объездить весь мир. А я... Мне бы хотелось писать о простых людях. О том, как они преодолевают трудности, ищут своё счастье. Ведь я теперь на собственном опыте знаю, как это

непросто в нашей стране...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.